

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Филологический факультет Оренбургского государственного педагогического
университета

Ассамблея народов Оренбургской области

«ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ»

*Материалы IX Всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 1150-летию славянской
письменности и Дню славянской письменности и культуры
в Оренбуржье*

Оренбург 2013

УДК
ББК
П

Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе:
П00 материалы IX Всероссийской научно-практической конферен-
ции, посвященной 1150-летию славянской письменности и Дню
славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Орен-
бург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 442 с.
ISBN 978-5-4417-0000-0

В сборнике объединены материалы межрегиональной научно-
практической конференции «Православие и культура славян в Южно-
Уральском регионе», посвященной 1150-летию славянской письмен-
ности и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье,
которая состоялась в г.Оренбурге 24 мая 2013 года.

В представленных материалах рассматриваются этапы этно-
культурного развития и духовные традиции славянских народов
Южного Урала, характеризуется положение русского языка и лите-
ратуры в системе славянской духовности, анализируется состояние
современной русистики, перспективы изучения славянских языков и
актуальные вопросы лингвокультурологии и методики преподавания
русского языка.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специ-
алистов, занимающихся культурологическими и лингвистическими
исследованиями.

УДК
ББК

ISBN 978-5-4417-0000-0

© Коллектив авторов, 2013
© ООО ИПК «Университет», 2013

ния Закона Божия (1830 - 1917 года) отвечал не только государственным потребностям, но и являлся основой духовно-нравственного воспитания многих поколений.

Примечания:

¹ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5422. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

³ Там же Л. 48 об.

⁴ Там же Л. 5.

⁵ Там же. Л. 50 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 27, 31.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же с. 9

⁹ Там же с. 25

¹⁰ Там же с. 20

¹¹ Там же с. 23

¹² Там же с. 24

Моисеева С. А. (Магнитогорск)

**ОСЕННИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ СЁЛ
БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕДИЦИЙ ЛАБОРАТОРИИ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ МАГУ)**

Значительным влиянием молодежной культуры в местной традиции отмечены следующие осенние даты календаря: Иван Постный – 29.08 (11.09); Семенов день – 01.09 (14.09); Покров – 01.10 (14.10); Кузьма и Демьян – 01.11 (14.11); Михайлов день – 08.11 (21.11).

Семенов день открывает сезон осенних посиделок молодежи. Далее развитие любовно-брачные мотивы получают в обычаях Дня Кузьмы и Демьяна. В Ломовке и Тирляне этот день называли Кузьминки. «Кузьминки отмечались 1 ноября – это у нас был девичий праздник. Девки наряжались, приходили парни с гармошкой» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)¹. «На Кузьму-Демьяна квас делали, квасом этим угощали. У меня отец рассказывал: девки пироги пекут, на печь ставят, а мы лазим. Кузьму называли девичьим праздником» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., Тирлян)². «Мать рассказывала, что они собирали вечера на Кузьму и Демьяна. Собирались обязательно в бане.

Квасу наворюют и вот так приговаривают: «Кузьма-Демьян, Кузьма-Демьян впереди-впереди». Молодежь собирали и пекли курник, пирог с мясом. Это еще матери наши были» (Благова А.А., 1915 г.р., Тирлян)³. В Узяне этот день известен как «Кузьмишши». «На Кузьмишши девчата постряпають. Артелью собирались. Квас варили. Пирог пекли, делали пельмени. Кто че. Пели, плясали» (Савельева А.П., 1930 г.р., Узян)⁴. В Каге, Верхнем и Нижнем Авзяне праздник Кузьмы и Демьяна называют Кузьмишки. «На Кузьмишки раньше девки складывались и делали пельмени, ребят приглашали. Пели, играли» (Артемьева А.В., 1920 г.р.)⁵. «К Кузьмишкам скотину начинали забивать. Складчины были обязательно – девки пельмени делали: кто мясо принесет, кто мучки» (Бармина К.А., 1934 г.р.)⁶. В Тирляне «на Кузьму пели про кузницу: Во кузнице молодые кузнецы, 2 р.// А дальше мама у нас пела, с картинками:

Проел Дуне сарафан, сарафан,
Над самой над «дырой».

Эту песню на Кузьму пели, 14 ноября, на Кузьму-сопливого» (Сорокина В.М., 1912 г.р., Тирлян)⁷. В тексте песни отражены два мотива, один из которых связан с мифологическими представлениями о кузнецах, кующих свадебку, финал песни связан с эротической темой, символизирующей брачный возраст девушки, готовой, «созревшей» к сексуальным отношениям. В казачьих селах южноуральского региона эта песня исполнялась после брачной ночи на второй день свадьбы. ««Во кузнице» всю жизнь поют. Особенно много пели на блинах. Встают женщины на лавочки и поют, прихлопывают. «Во кузнице»-та на блинах потому и поют, раз «дыру» ломают» (Долганова А.П., 1920 г.р., Кизильский р-он)⁸.

Следующий праздник, который был отмечен молодежным влиянием, - это Михайлов день. «Особки устраивались осенью в Михайлов день. Заранее кто-то отдавал под особки свою избу. Девушки приходили туда раньше, чтобы приготовить курники, пироги с мясом. Рассаживались по лавкам, вышивали и пели песни. Позже приходили парни и тоже садились на лавки» (Щельгина М.Ф., 1903 г.р., Ломовка)⁹. «На Михайлов день пироги с мясом носили. Приходили люди глядеть. Девушки на скамейки вставали, чтобы на них глядели. Плясали под гармошку. Частушки пели, песни про любовь обманную пели, ну и другие» (Штырляева А.А., 1924 г.р., Ломовка)¹⁰. «Михайлов день 8 ноября. Девушки тоже «ссыпались», собирались все вместе. На Михайлов день собирались в отдельной избе, до двенадцати часов пели,

плясали. В этот день было много «глядельщиков» – старух, детей. Они заходили в избу, глядели на молодежь и уходили. Потом молодежь оставалась ночевать» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)¹¹. Как видим, калинники, первые пельмени, пироги с мясом (курники) проходят как ритуальное угощение в кругу молодежи.

В исследуемой локальной зоне было зафиксировано несколько терминов, обозначающих осенние молодежные посиделки. «Ходили в посиденку», «обязательно засиживаемся на посиденках», «посиделки у нас были». Посиделка/посиденка, таким образом, общепринятый, известный информантам всех исследуемых сел термин, получивший название по главному занятию собравшихся. «Девками по вечерам мы ходили посидеть за маргалушкой ко всем подружкам по очереди» (Логина А.В., 1929 г.р., Кага)¹².

Наряду с термином «посиделка» в отдельных селах региона бытовал термин «особка». «Посиделки были, особой избу называли. Так и говорили: «Пойдем в особку». Особа – дом, где одиночка есть, ей на салазках дров привезут, затопят и сидят там прядут» (Чертыхина А.Ф., 1911 г.р., Тирлян)¹³. «В особах парни присматривались, кто как вяжет, не смеется ли лишнего. Штук пять-шесть девчонок сидели в избе у какой одиночки» (Осокина А.П., 1924 г.р., Узьян)¹⁴. «Особки были. Это раньше девки сидели, где одна женщина жила, вдова. Дров беремья унесут туда и сидят там» (Осипова М.В., 1928 г.р., Кага)¹⁵. Как видим, «особкой» в регионе называли дом одиночки, вдовы, то есть «дом особый», поскольку в нем жила женщина, социальный статус которой в традиционной культуре оценивался двойственно: с одной стороны как социально ущербный, а с другой – ритуально-чистый. Все это способствовало тому, что женщина, став вдовой, получала новые для нее магические возможности и наделялась особыми ритуальными функциями, что и отразилось в названии дома, где она жила. Таким образом, существенным отличаем посиделок, которые устраивались в любом доме участвовавших в посиделке девушек, особка первоначально организовывалась только в доме вдовы. Но уже к середине XX века термины «посиделка» и «особка» стали подменять друг друга. «Посиделки были, особой избу называли. Ребята к девкам придут посиденничать» (Оглоблина Т.В., 1930 г.р., Тирлян)¹⁶. «В особках по заданию матери девки пряли, парни приходили, плясали. Вот и посиденничали» (Рассказова Е.Н., 1931 г.р., Узьян)¹⁷. Так, всякая изба, где проходили посиделки, в 50-е годы XX столетия называлась особкой, соответственно, посиделка и особка стали составлять единый

семантический ряд и свободно взаимозаменялись в речи информантов. Кроме того, было еще одно существенное различие этих двух форм организации молодого поведения – это возрастной состав участников. На посиделки девушку в регионе начинали отпускать с 11-12 лет, на которую не допускались парни, то есть это были рабочие посиделки младшей девичьей группы. Посиделки средней девичьей группы предусматривали участие парней и, соответственно, имели двухчастную композицию: работа – веселье. «На посиделки ходили, работали там, лет с 16-17 парни к нам ходили. Ребяты придут – пляска начинается» (Бардина Е.Ф., 1919 г.р., Инзер)¹⁸. В особку девку в регионе начинали отпускать лишь с достижением ею совершеннолетия. «На посиделки ходили лет с 13, а с 15 к девкам парни на посиделки шли, их домой начинаешь отправлять – они ноцевать просят, а на ноцевки-та лет в 17 можно, как в особку пойдешь» (Калиничева Т.Е., 1928 г.р., Кага)¹⁹. Таким образом, как правило, особка заканчивалась ночевкой и, соответственно, состояла из трех частей: работа – веселье – покой. «На ноцевки ходили, особками называли, это уж когда побольше становились, лет в 16-17, а кто и в 18 лет. Парни приходили, посидеть, а которы дык пондравятся – ноцевать останутся» (Белова Р.Г., 1925 г.р., Тирлян)²⁰.

Девушки, таким образом, в изучаемой этнолокальной зоне постепенно посредством игры, проходящей в форме рабочей посиделки, затем в форме посиделки средней девичьей группы и, наконец, особки/ночевки вовлекались в атмосферу предстоящей взрослой жизни, которой было присуще работу/будни чередовать с отдыхом/праздником и делать это совместно с мужем в одном доме.

Термин «ссыпка» широко был распространен в трех селах региона: Ломовке, Узяне, Тирляне. «Кузьминки отмечались 1 ноября. Это у нас был девичий праздник. Девки наряжались, приходили парни с гармошкой, и девушки пели, плясали. Это называлось «ссыпались», сходились, значит. На ссыпках собирались все вместе, ночевали с кавалерами без дозволения лишнего» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)²¹. «Вот у нас раньше была Кузьма. Придет этот 14 ноябрь, вот девчонки ссыпаются в ссыпки» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., Тирлян)²². Заметим, что слово «ссыпка» хорошо известно было в XIX в. крестьянам Вятского уезда. «Между крестьянами Вятского уезда есть особые собрания, каких, кажется, не существует не только в других великороссийских губерниях, но и по Вятской губернии. Эти собрания называются ссыпки. Начинаются они с осени и продолжаются всю

зимую поочередно до святой недели и даже до Троицына дня. Ссыпки состояли в следующем: крестьяне одной деревни, а иногда и соседних, сносят в один или несколько домов, по условленной мерке, солоду, муки и хмелю, из чего, по количеству доставленного, варят пиво. Кроме этого приносят вино и другие съестные припасы.... Старики и солидные люди на этих ссыпках ведут речь о старине, о своих житейских делах, а молодежь проводит время за сказками, песнями и частично за картами»²³. В.И. Чичеров отмечает, что ссыпки – это «игрище, устраиваемое маломощными крестьянскими семьями, на которые может приходиться всякий, кто бы ни вздумал»²⁴. В исследуемой же локальной зоне к середине XX века ссыпками называли исключительно молодежные сборища. Как видим, многие ритуальные функции взрослого крестьянского социума аккумулировались в поведенческих моделях молодежных социовозрастных коллективов. Таким образом, ссыпки в русских селах Башкирии – это праздничные собрания молодежи с обязательным угощением пришедших парней. «Девчата собирались в компанию три, пять человек и снимали дом. Приготовим угощение: пироги с мясом напечём, огурчики, помидорчики натащим. Ссыпки называли. Ждём парней» (Алифанова А.П., 1929 г.р., Узян)²⁵. В Узяне, кроме курников на день Кузьмы и Демьяна, пекли калинники к Ивану Постному, по предположению, престольному празднику для Узянцев. «Иван Постный 11 сентября. Это единственный праздник, на который Авзян приходил в Узян. На этот праздник пекли калинники – пироги с калиной. Калинник пекли из ржаной муки, тесто перемешивали с калиной. Пироги пекли несколько дней. Песни пели: «Ой, да ты калинушка-размалинушка, ты не стой, не стой на горе крутой» (Колесникова Е.П., 1915 г.р., Узян)²⁶. Обратим внимание, что в этот день (Иван Постный) собственно приготовление калинников для ссыпок ритуально маркировалось взрослыми женщинами, а девушкам отводилась лишь роль посредника: они приносили приготовленный матерью или бабушкой пирог для угощения группы парней. «На Ивана Постного все больше калинники пекли. Это все бабушки делали. А девки этими калинниками парней угощали (Габова Е.И., 1909 г.р., Узян)²⁷. Взрослый коллектив общины, таким образом, выполнял в данном случае функцию так называемого наставничества. В других селах изучаемого региона на Кузьмишки и Михайлов день девичья группа сама занималась приготовлением пирогов и пельменей. «Особки устраивались осенью в Михайлов день. Заранее кто-то отдавал под особки свою избу. Девушки приходили туда раньше, чтобы

приготовить курники, пироги с мясом» (Щелыгина М.Ф., 1903 г.р., Ломовка)²⁸. «На Кузьмишки пельмени стряпали. Приглашали тех, с кем дружишь» (Королева Т.Д., 1930 г.р., Кага)²⁹. Но и в этих селах взрослые проявляли интерес к молодежным ссыпкам, признавая или порицая те или иные формы поведения девушек и парней. «На Михайлов день собирались в отдельной избе, до двенадцати часов пели, плясали. В этот день было много «глядельщиков» – старух, детей. Они заходили в избу, глядели на молодежь и уходили. Потом молодежь оставалась ночевать» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)³⁰. «На Михайлов день пироги с мясом носили. Приходили люди глядеть. Девушки на скамейки вставали, чтобы на них глядели» (Штырляева А.А., 1924 г.р., Ломовка)³¹. Таким образом, в Ломовке в осенний период проходили так называемые выставки невест, и, возможно, они являлись рудиментом рассыпавшегося ритуала «надевания паневы/скакания в паневу», символизировавшего переход девушки из средневозрастной группы в группу совершеннолетних. Особый интерес в этой связи представляет замечание Д.К. Зеленина о таком обряде в одноименном селе Ломовка Богородицкого уезда Тульской губернии, где девки, достигшие 16-летнего возраста, должны были «становиться на лавку и ходить из одного угла в другой». Ученый рассматривает этот ритуал в контексте «обрядовых празднеств совершеннолетия девицы»³².

Мотив такого перехода прочитывается в широко распространенной во всех селах региона игре «Дрема». Нами зафиксировано несколько текстов этой игры: в Ломовке, Тирляне и Авзяне. Все эти тексты являются короткими, которые сводятся к сообщению о дремоте, приказу проснуться и выбрать себе пару. По наблюдениям Т.А. Бернштам, такой вариант характерен для вятской, северной, поволжской и сибирской традиций³³. Заметим, что все наши тексты осложнены мотивом «плетения»: «Сидит Дремушка на стульчике, / Плетет Дремушка шалковый поясок...». Плетение же является одним из видов женского творения наряду с ткачеством, прядением, шитьем, что являлось чисто женскими функциями, к которым девочку приучали с раннего возраста и по качеству выполнения этих видов деятельности судили о готовности девушки к вступлению в брак. Не случайно в регионе до середины XX в. в свадебном обряде бытовала корилка на невесту:

Мы взяли невесту
Не ткаху, не пряху
Такую негодливую...

В Авзяне в «Дрему» играли «на посиденках» осенью и зимой; в Ломовке - на Михайлов день; в Тирляне «на Кузьму гуляли, Дремушку на стульчик сажали, да пели яму...» (Королева М.Ф., 1916 г.р., Тирлян)³⁴. Традиционно праздник «Кузьмы и Демьяна» открывал осенне-зимний период молодежной игры, которая проходила в форме «посиденок», в отдельных сёлах «особок», на которых девушки пряли, плели, вязали, вышивали и устраивали совместные с парнями «ночевки», позволявшие участникам игры имитировать семейные отношения, готовиться к реальным брачным отношениям. Игра «Дрема» - символический этап названного перехода, который позволяет выбрать себе будущую пару в начале только для имитации семейной жизни в период «посиденок», поскольку цель указанной игры состоит в выборе себе пары:

Плетет Дремушка шалковый поясок,
Не столь плетет, сколь времечко ведет.
Ни пора ли Дремушке со стульчика слезать,
Ни пора ли Дреме красну девку выбирать.³⁵

Состояние сна/дремоты метафорически сопоставимо со смертью и, соответственно, в фольклоре символизирует переход, в данном случае в другую социовозрастную группу совершеннолетних, готовых к вступлению в брак молодых людей.

Окончательное же закрепление любовной пары происходило во время ночевки. «А парни в карты наиграются, а когда их домой начнешь отправлять, они ночевать просятся. Вот, примерно, ты меня приметил, ты со мной хочешь ночевать и товарища подсылаешь: «Поди к Таньке, скажи, что я буду с ней ночевать». Подумаешь, подумаешь, возьмешь да оставишь ночевать. А ночевали на дерюге – это половики, сшитые в три ряда, хлопичные. Одну дерюгу на пол подстелешь, а другой оденешься. По шесть человек: три парня и три девки. Спать ложишься оденши: кофта с рукавами, штаны не носили, юбка длинная, а парень в рубашке, в брюках обязательно, такого охальства не было, была честная любовь. Даже не целовались, если только жалелись. Если парень задумает поцеловать, он такую пощечину получит, чтоб знал свое место. Дружили по три-четыре года» (Калиничева Т.Е., 1928 г.р., Кага)³⁶.

В молодежной культуре существовали и знаки разрыва отношений. «Если парень попросится на ношевку, а его не оставят – знащит, щайник повесили. А если парень придет на ношевку, поляжить 15-20 минут и уйдет – знащит, щугунок повесил. Или девка так же. Так спо-

кон веков шло. Били девку иногда. Это када бывает долго дружить, а потом с другим – ей и попадет на шай, на сахар» (Сухов Н.П., 1929 г.р., Кага)³⁷. «Ходили парни табуном, оставались ночевать. На общей постели парень с девкой. Если девка не останется, значит, она ему чайник повесила. Если парень или девка пришли и ушли, то шугунку повесили» (Артемьева А.В., 1920 г.р., Кага)³⁸. «Раньше ведь нощевали. Если «баловать» парни нацинали – уходи. Если девушка не пришла сама, по башке придётся; не пришла она – набуздырить её парень. А если он не пришёл – «лопатку затесал» (Осокина А.П., 1924 г.р., Узян)³⁹.

В кругу парней часто случались драки из-за девушек. Например, в Ломовке информанты отмечали, что «сухановские дрались с тобольскими за девок своих».

Распространенной формой межполового общения в кругу молодежи в посиделочный период являлось взаимное подшучивание, своеобразный поединок между партиями девушек и парней. Диалог партий посредством шуток организовывался как на вербальном, так и на акциональном уровнях. Акциональный код в данном случае был представлен нарушением этикетных форм межполового общения молодежи: «Кто не нужен, тому девки балуют. В валенок ему нассуть, сажей вымажут» (Артемьева А.В., 1920 г.р., Кага)⁴⁰. «Я решила подшутить. Корова наложила, а я взяла это говно замерзшее и спрятала под полотенце. Сказала гостям своим, что приготовила праздничный пирог, а они открыли полотенце и увидели там это. Все так смеялись» (Скворцова З.Г., 1932 г.р., Ломовка)⁴¹.

Парни, стараясь навредить девушкам, прятали испеченные ими пироги, иногда надламывали их. И.А. Морозов такого рода розыгрыши-подшучивания относит к развлечениям испытательного типа и ставит их в ряд с церемониями, связанными с оформлением нового статуса юношей и девушек, которые готовились вступить в брак⁴².

Вербально шутка оформлялась посредством текстов частушек, исполнявшихся, в основном, девушками в адрес того или иного молодого человека, то есть такие частушки зачастую имели адрес или намек на возможный адрес и исполнялись конкретному участнику посиделки. В таких текстах называлось или имя, кому была предназначена шутка, или указывался род занятий этого человека: гармонист, шофер, тракторист, пастух и т.д. Брачно-эротический мотив был доминирующим в таких шутках.

Таким образом, осень для молодежного коллектива крестьянского социума являлась временем формирования будущих брачных

пар. Основной же формой жизни молодежи в этот период была посиделка (особка, ссыпка, ночевка), в рамках которой посредством разнообразных игровых элементов, часто сопровождающихся песенными текстами, происходило чувственное сближение

Примечания:

¹ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 18.

Здесь и далее в цитатах сохранены особенности речи информантов

² Там же, с. 19

³ Там же, с. 21

⁴ Там же, с. 13

⁵ Там же, с. 14

⁶ Там же, с. 21

⁷ Там же, с. 20

⁸ Архив лаборатории народной культуры (АЛНК), экспедиция (эк.) № 15, 1999 г.

⁹ Там же, с. 22-23

¹⁰ Там же, с. 24

¹¹ Там же, с. 18

¹² Там же, с. 20-21

¹³ Там же, с. 19

¹⁴ Там же, с. 15

¹⁵ Там же, с. 27

¹⁶ Там же, с. 26

¹⁷ Там же, с. 13

¹⁸ АЛНК, эк. № 19, 1999 г.

¹⁹ АЛНК, эк. № 13 А, 1998 г.

²⁰ АЛНК, эк. № 17, 1999 г.

²¹ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 18

²² Там же, с. 19

²³ Заметки о Вятском крае / Ив. Савинов // Вестник императорского географического общества. – Спб.: ?б.и.], 1858. – Ч. 24.

²⁴ Чичеров, В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX в. / В. И. Чичеров – М.: Изд-во академии наук СССР, 1957. – С. 180

²⁵ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 27

²⁶ Там же, с. 13

²⁷ Там же, с. 14

²⁸ Там же, с. 22

²⁹ Там же, с. 24

³⁰ Там же, с. 18

³¹ Там же, с. 24

³² Зеленин, Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских / Д. К. Зеленин // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913. – М. : Индрик, 1994. – С. 185

³³ Бернштам, Т. А. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия / Т. А. Бернштам // СЭ. – 1986. – № 6. – С. 24

³⁴ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 22

³⁵ Там же, с. 19

³⁶ Там же, с. 16

³⁷ Там же, с. 17

³⁸ Там же, с. 14

³⁹ Там же, с. 15

⁴⁰ Там же, с. 14

⁴¹ АЛНК, эк. № 8, 1997 г.

⁴² Морозов, И. А. Женильба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы/женильбы» / И. А. Морозов. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.

Ким Г. П. (Оренбург)

«ДОМОСТРОЙ» КАК ОБРАЗЕЦ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVI ВЕКА

Культура любого народа может быть определена как важнейший фактор творческого жизнеустроения, как средство творческой самореализации всего социума. Каждый исторический период обязательно характеризуется духовным памятником, отражающим наиболее устойчивые и авторитетные национальные традиции, которые связывали прошлое с настоящим. Невольно приходят на память слова Л.Н. Гумилева о том, что народ гибнет не тогда, когда уничтожают представителей этого народа, а тогда, когда разрушается стереотип поведения, мышления, восприятия, по большому счету – память.

Если обратиться к «Домострою» как показательному примеру жизнеустройства русского общества XVI века, то никак не обойтись без хотя бы самого общего обзора этого времени, когда окончательно складывается из множества разрозненных княжеств мощное государственное образование, объединенное вокруг Москвы.

Параллельно этому политическому процессу идет формирование новых идеологических основ русской государственности, когда решалась задача собирания воедино не только земель, но и разроз-